

Самая что ни на есть «казусна» история содеялась в «перший» день декабря 1991 года после подсчёта голосов на избирательном участке ворошиловградского совхоза «Заря коммунизма». Перелякалась не только вся участковая комиссия в полном составе, но и приставленный наблюдать общественный порядок дежурный милиционер сержант Дорошенко, имени которого никто не запомнил. Всё произошедшее как есть походило на диковинные дела из гоголевских «Вечеров на хуторе близ Диканьки» или, более того, ведьмачьего «Вия».

Говоря без замысловатостей, на избирательном участке имело место быть доподлинное ЧП: когда к полуночи утомлённая, задёрганная комиссия свела по бюллетеням все «за» и «против», её председателю Валентину Семёновичу Корнилову вдруг стало плохо. Но не так, что голова внезапно заболела или сердце исподтишка прижало. С ним сотворился настоящий нервный приступ, сопровождавшийся яркими фантасмагорическими видениями. Сказалось переутомление?.. Ещё бы. И такое со счетов не скинешь. Однако одним этим сути произошедшего не объять. Какие такие должны были сложиться чрезвычайные обстоятельства, чтобы подобное смятение духа вкупе с жутковатыми галлюцинациями произошло с известным на всю Украинскую ССР начальником цеха животноводства, орденоносцем, сорокапятилетним хватким, напористым мужиком в полной силе и здравии? И с какой стати именно с ним?

Диспетчер «скорой» крайне внимательно выслушала сбивчивый, нервный рассказ «з переляку» Олександра Богдановича, зампреда этой потрясённой и впавшей в ступор участковой комиссии, который один из всего её состава оставался достаточно вменяемым. До поры до времени.

Дежурные врачи, получив тревожный звонок с избирательного участка, против заведённого, отреагировали без промедления. На тот день все службы «Скорой помощи» были заранее предупреждены свыше о сугубой важности предстоящего выборного мероприятия. Ведь речь шла не о рядовом голосовании, скажем, по персоналиям в сельсовет, а о всенародном волеизъявлении по вопросу государственного масштаба – «незалежности» Украины. Так что в совхоз «Заря коммунизма» оперативно помчалась самая лучшая бригада на исправной машине с абсолютно трезвым водителем. Прибыли они из Луганска за считанные минуты: совхоз, к счастью, располагался под самым боком у областного центра.

Кстати, вот как выглядел тогдашний трижды премудрый бюллетень, виновник всех этих и дальнейших злосчастных событий:

«АКТ ПРОВОЗГЛАШЕНИЯ НЕЗАВИСИМОСТИ УКРАИНЫ

Исходя из смертельной опасности, нависшей над Украиной в связи с государственным переворотом в СССР 19 августа 1991 года,

– продолжая тысячелетнюю традицию государственного строительства на Украине, – исходя из права на самоопределение, предусмотренного Уставом ООН и другими международно-правовыми документами,

– осуществляя Декларацию о государственном суверенитете Украины, Верховный Совет Украинской Советской Социалистической Республики торжественно провозглашает независимость Украины и создание самостоятельного украинского государства – УКРАИНЫ. Территория Украины является неделимой и неприкосновенной. Отныне на территории Украины имеют силу исключительно Конституция и законы Украины. Этот акт вступает в силу с момента его одобрения.

Верховный Совет Украины.

Подтверждаете ли Вы Акт провозглашения независимости Украины?»

Валентин Семенович, председатель избиркома, хотя и был в этих краях человек приезжий, из воронежского села Никишино, но за девять лет в тогда Ворошиловградской «Заре коммунизма» уверенно вписался в здешнюю жизнь и наработал достойный авторитет. На всех уровнях местной власти был он достойно отмечен: все стены его большого двухэтажного красавца-дома можно было вместо обоев обклеить бесчисленными почётными грамотами райкома и обкома КПСС Ворошиловградской области, а особый чёрный пиджак Валентина Семеновича, предназначенный сугубо для партийных отчётных собраний и конференций, отяжеляло немалое число знаков отличия «за героический труд и достижение высоких показателей в животноводстве, внесших большой вклад в развитие и процветание советского общества». И для телевизионщиков, и для газетных корреспондентов Валентин Семенович оказался настоящей находкой. Так что Корнилов часто мелькал на телеэкранах Ворошиловграда, Киева и даже самой Первопрестольной: сухощав, в движениях оборотист и с бодрым, харизматическим лицом, – ранняя, с прожелтью седина, высокий, маститый лоб над пшеничными бровями, ярко-серые цепкие глаза с броским взглядом и печальные тонкие губы; в меру скуласт. Ко всему, умеющий говорить убедительно, умно и с дальновидностью ни мало, ни много государственного мужа. Ещё и мог этот крестьянский сын в разговоре запросто определить в нужное место бессмертную «крылатую» фразу классического Марка Туллия Цицерона, легендарного Гай Юлия Цезаря или утонченного Марка Фабия Квинтилиана. Ещё и голос имел хорошо поставленный. Командирский. В дивизии имени Дзержинского он его обрёл за годы срочной службы с сержантскими лычками на погонах. Ко всему, Корнилов, хотя и руководил в основном по части скотины, никогда не был замечен с навозной жижкой на своих непременно итальянских или германских туфлях или, ещё чего, в затрапезной рубашке: всегда ходил в торжественно белой, нейлоном или батистом сияющей. Смотря по моде. Одним словом, смотрелся Валентин Корнилов настоящим начальником. Человеком, который на работу не опаздывает, а задерживается.

Соответственно и в его ветеринарном хозяйстве во всём был деловито отлажен старательный порядок. И когда работал он смолоду под Воронежем в колхозе «Родина», или теперь, когда трудился в Ворошиловградском совхозе «Заря коммунизма».

– У меня на ферму без бахил никто не зайдет! – веско говорил он корреспондентам, открывшим рты и удивленно озирающимся на дерзко-стерильную чистоту вокруг. – Видите, наши доярки и скотницы, – все в белых накрахмаленных халатиках и платочках! Чисто медсестрички. На каждой ферме – санпропускник. Для людей – медпрофилакторий: солярий, физкабинет. В целях оздоровления. Пришла доярка на работу, а тут у неё что-то кольнуло: она раз – и к нашему фельдшеру. Её тут же посмотрели и подлечили. За пять лет я это сделал. Так что в город ехать лечиться никакой необходимости уже нет! Всё рядышком, всё схвачено!»

«Молодец! Корневой мужик! То-то и фамилия у него такая – Корнилов... Перспективный кадр!» – последнее время не раз с доброй улыбкой отечески думал о нем первый секретарь Ворошиловградского обкома КПСС Анатолий Ильич Онищенко. Он с недавних пор настроился продвинуть этого успешного начальника цеха животноводства на должность ни мало, ни много директора совхоза. А через два-три года, если тот не подведет, поставить во главе района. Так что днями ушло в Москву фельдьегерской почтой представление к награждению В. С. Корнилова медалью «За трудовое отличие».

Работу в тот день 1 декабря начали на избирательном участке с раннего утра в самой что ни на есть праздничной обстановке. Ещё и украшенной букетами благоухающих голландских цветов, словно ненадолго отменивших зиму своими живыми свежими ароматами. А по углам зала были выставлены срезанные деревца, как это бывает в православных храмах на Троицу: в основном берёзки, тоненькие, с голыми замороженными веточками. И между всем этим праздничным антуражем везде, даже на люстрах, – флаги и флажки нового, только месяца три как введённого сине-желтого знамени Украины.

Первых голосующих встречали хлебом-солью. Конечно, и наливали. Что они; не люди? В меру, для укрепления самостоятельности патриотизма. Потом же – школьная самодеятельность: пацаночки и пацаны лет тринадцати, в красно-белых льняных вышиванках с кисточками, волнуясь, не понимая почти ни одного слова, нестройными, но строгими голосами пели раз за разом гимн Украины. Он почему-то звучал у них, как реквием.

Живи, Украино, прекрасна и сильна,
В Радянським Союзи ти щастя знайшла.
Миж ривними ривна, миж вильними вильна,
Пид сонцем свободи, як цвит, розцвила
Слава Союзу Радянському, слава!
Слава Витчизни народив-братив!
Живи, Украино, радянська державо,
Воззеднаний краю на вики-викив!

Нам завжди у битвах за долю народу
Був другом и братом російський народ,
И Ленин осяяв нам путь на свободу,
И партия веде до свитлих висот.

Избирательный участок располагался в школьном актовом зале. Сразу за дверями начинался молодой, пятилетний, сейчас насквозь видный яблоневый сад, нежно выстланный перекастистым свежим снегом. Валентин Корнилов был инициатором заложить его в память о тех, кто из сельчан погиб в Великую Отечественную, кто в Афгане или Чечне... Каждому герою – по деревцу. Сорт сам подбирал. В итоге остановился на «комсомолке», какая по-девичьи румяно, весело украшала их родительский сад в Никишино. Первый урожай школьники сняли уже на третьем году. Надкусишь с усердием такое невиданное красномякотное яблочко, так оно во все стороны озорно и брызнет алым, медово душистым соком. Кстати, Никишинцы почему-то называли этот ни у кого не встречавшийся в округе алый сорт – «пьяница».

Итак, вечером, прежде чем отдать распоряжение прекратить голосование в связи с истечением обозначенного для референдума времени и запереть входные двери, Валентин Семенович сверил часы, лично вышел за порог убедиться, нет ли не проголосовавших людей на подходе?

Но на старательно прочищенных дорожках, ведущих к школе, никого. На столбах нежно сочатся пухлым светом фонари, словно укутавшись в него, а на крыше два воинственно ярких, специально

для такого особого дня установленных прожектора, бдительно пробивают темноту до самой до околицы.

Валентин с молодцеватым азартом вдохнул несколько раз особенно ёмкого из-за морозца воздуха, зацепил тувельным лакированным носком ажурный снежок у порога, искристо пыхнувший, и вернулся позвонить в районную избирательную комиссию.

Он деловито, обстоятельно доложил, что никаких происшествий и нарушений, пусть хотя бы и маломальских, не имелось: люди шли охотно, порой толпами, некоторые с собственной музыкой, пели и плясали всласть, иные душевно позволили себе по чуть-чуть выпить, но время вышло, – пора подсчитывать голоса. Момент истины, так сказать, обозначить.

Получив «добро», он деловито окликнул прикрепленного на участок дежурного милиционера и сложил перед собой руки крест-накрест. Молодой, задорный сержант Дорошенко всё понял, и тотчас навесил изнутри на двери заранее приготовленный замок. Строго подёргал его раз и другой для надёжности.

– Может, опечатаем, Валентин Семёнович? – бдительно спросил.

– Не надо, – отмахнулся Корнилов и отечески оглядел явно притомлённых и несколько поскучневших членов комиссии. – Товарищи, а что если мы наскоро перекусим, прежде чем начать подсчёт голосов? Как оно?..

Идею встретили радостно. Тем более что Валентин Семенович разрешил и по сто граммов доброго травного самогона. Из припасов его зама Олександра – личного водителя директора совхоза «Заря коммунизма» Тараса Николаевича Петренко. А где сто, там и двести, а то и все триста для полного благополучия нервов, утомлённых за день суетой и толкотнёй.

Вскоре в этой душевной большой школьной комнате, называемой актовым залом, сквозь мерцание текучего, развалистого сигаретно-папиросного дыма запахло ещё и блескучей ажурной яичницей на румяном сале, отварной рассыпчатой бульбой, утопшей в медовой густоте топленого коровьего масла с укропчиком, и жареными домашними колбасками: свининка со шпиком от хребтовой части, щедро заряженная едучим чесноком и сладко-пряными листочками майорана.

Так что за подсчёт бюллетеней комиссия принялась на подъеме. Бумаги в их руках стремительно замелькали, бликуя в свете люстр, и тем минута от минуты невольно гипнотизируя членов комиссии. Считали молча, вдумчиво, тесно сгрудившись над широко раздвинутым столом. Лишь кто-то порой судорожно вздохнёт, крикнет, кто-то головой покачает или с кем-то взволнованно обменяется быстрым взглядом. Всё это со стороны напоминало некую азартную и в то же время рискованную игру. Историю делали, как-никак. Но были и такие, что уже устало, сморено стояли от неё в стороне.

Секретарь комиссии и одновременно директор этой школы Марина Петровна, тоже, кстати, приезжая, тоже из Воронежской области, подала Корнилову на подпись окончательный протокол. В глазах у неё стояли необычных размеров густые слёзы. Валентин Семенович, ещё не взглянув на бумаги, наперед обостренно догадался о причине такого её расстройств. Как-никак, он по должности своей от часа к часу видел, куда поворачивает итоговый результат голосования.

Корнилову враз стало не по себе. Не вдохнуть, не выдохнуть. Его как мороз продрал по спине. Но так жёстко, словно металлической щёткой. Ещё и словно ослеп он. По крайней мере, никого вокруг не мог толком различить. Лишь какие-то белесые, расплывчатые пятна мельтешат. И все звуки слов непонятные, несвязные, будто он вдруг оказался в толпе каких-то иностранцев, если вовсе не инопланетян. Одним словом, небо показалось ему с овчинку.

Это состояние Корнилова тревожно заметили многие, почти все. Кто-то осторожно подходил к нему, пробовал, заглядывая в глаза, осторожно заговорить. Чтобы встряхнуть человека. Кто-то стаканчик отменного самогона ему предложил. А в другой руке предусмотрительно – булочка с невозможным салцем. Словно нежно улыбается оно тебе.

Валентин Семенович ото всех лихорадочно, иступленно отмахивался. И всё что-то бормотал, бормотал себе под нос...

Лишь много позже он открылся сыну Эдьке, когда тот подрос, когда они уже фермерствовали вместе на родных никишинских землях, что же такое с ним произошло четверть века назад 1 декабря 1991 года под конец работы счётной комиссии.

Душа измождённо требовала этого все годы. Доколе можно такое в себе держать?.. Особенно теперь. Вон какое напряжение ныне у нас с некогда братской Украиной. А ведь тогдашнее происшествие на избирательном участке при всей будто бы своей малости, локальности, если трезво рассудить да масштабы сопоставить, – ни мало, ни много было явно исторического значения. Факт. Более того, без его осознания вся дальнейшая жизнь Валентина Семёновича будет непонятна, как пьяная кривая.

В общем, в середине апреля уже две тысячи семнадцатого шёл Корнилов-старший с сыном Эдкой смотреть свою землю, отведённую под подсолнух: не пора ли приступать? Все никитинские фермеры уже отсеялись «по полной».

Эту бросовую полосу земли ему лет двадцать назад отрезали от полей родного колхоза «Родина» неподалеку от охотничьих угодий, где и без дождей всегда было сырое место. Первые люди, кто тогда из колхоза выходили на вольные хлеба, только такие места и получали. К фермерам поначалу местная власть настороженно относилась.

Так что на этом поле у Корнилова по весне всегда болото стоит. Себе бывший колхоз «Родина» оставил «любок», а ему – на тебе, Боже, что нам негоже. Но это колхозу не помогло. Развалилось их бывшее коллективное хозяйство. С треском. Ненадолго пережив Союз нерушимый...

«Вот как тут рассудить?... – не раз муторно задумывался Валентин Семенович. – Как в таких местах можно вовремя посеять? Раньше, чем перед Троицей, не сложится. Когда у людей уже будут хорошие всходы стоять. Естественно, я против них на две-три недели, а то и на месяц съезжаю от нормы. А как подсолнух у меня проклонется, жара начнётся, жарой его будет бить... Хотя так не всегда. Не буду Бога гневить... Прошлый год сложился по всем показателям удачный. Пшеница где-то за 30 в среднем с гектара дала, ячмень тоже, наверное, центнеров 27, подсолнух 20 или чуть побольше – 22?! А вот ныне опять залило. Ромашка одна вырастет. И ничем не поможешь. Никакой мелиорацией. Что ни делай – вода на бугор не потечёт».

Присели они с сыном. Того и гляди голова закружится от первотравного тёплого дыхания земли: напористо, деловито лезут на свет новорожденные лопушки, чистец, тимофеевка, тот же синяк или король всякого бросового места – татарник. Ящерики резво прыскают от блаженства; шмелиная матка низко, тяжело прошла в сторону заиленного серого заливного луга – ищет, где ей норку обустроить для дома своей будущей семьи; чёрный коршун вдумчиво скользит на теплом воздушном потоке.

Солнце млеет над головой, точно боясь расплескать свой текучий, жидкий жар.

Воспользовавшись передышкой, Эдик вытащил из разъявленного кармана затертой фуфайки до-рогущий корейский айфон, дабы «пошарить» по Интернету.

– Ей Богу, не понимаю я вас... Что там умного?! – строго покосился на сына Валентин Семенович. – Одни глупости. А вы тыритесь и ржёте, чёрт знает над чем! Вам же мозги нарочно пудрят! Ещё и за ваши деньги. Чтобы вы не по-русски жили...

Эдик мягко усмехнулся, продолжая неуклюже скользить своим крестьянским, натруженным пальцем по матово мерцающему экрану.

– Не гуди, батя... Может, мультик классный найду?

– Дитё малое... Давай лучше за жизнь поговорим. Весна, видать по всему, хорошо взялась, серьёзно, – хозяйски огляделся по сторонам Валентин Семёнович. – Из века в век соблюдает природа должный порядок, очерёдность. Сколько гляжу, и всё основательней укрепляюсь во мнении, – человек у неё точно с боку припёку! Словно чужой! Чужой... Ох, Эдка, страшное это дело... Чужой...

Слушая отца в полуха, Эдик раскинул на груди фуфайку, чтобы солнышко явственней, нежнее ощутить.

– Человек за свою жизнь в какой только оболочке не побывает, – сосредоточенно, напряжно продолжал Валентин Семёнович, выискивая, разгребая подход к своей большой теме. – И ребенок он, и взрослый, когда влюблённый, когда ненавидящий, то умный, то глупый... Или вовсе дурак! Во всяком его таком положении есть своя боль и интерес! Но нет ничего страшнее, чем ощутить себя ЧУЖИМ! Особенно, когда вокруг тебя люди, сотни людей, тысячи их, или вовсе миллионы, а ты им всем – чужой! Враг, считай... Вот как...

Валентин Семёнович судорожно напряг губы.

– Эх, Эдка. Такое дело мне пришлось однажды пережить... Четверть века минула, а как помирать буду на самом последнем вздохе всё равно опять вспомню... С жутью!

– Это ты про избирательный участок под Луганском намекаешь? В твоём бывшем совхозе «Заря коммунизма»?

– А ты откуда знаешь? – строго подобрал губы Валентин Семенович.

– Да ты как переберёшь, очень часто сам с собой об этом тогдашнем референдуме на Украине чего-то там споришь... Иногда так до крика!

Облако медленно накрыло Солнце, как за пазуху себе аккуратно сунуло. Свет перемигнул и поблек. Всё вокруг матово посерело. Валентин Семёнович тревожно вздохнул.

– Не обижайся, батя! – молодежато вскрикнул Эдик. – Это государственная тайна? Колись! Столько времени прошло... Ни СССР твоего нет, ни КГБ, ни КПСС! С Украиной мы теперь по разные стороны баррикады... Так что мне даже интересно знать! В конце концов!

– Интересно? Интересного в этом, сынок, ничего не наблюдается... Одна жесьть, как вы сейчас говорите, – сухо, нервно произнёс Валентин Семёнович. – Только начну с предыстории. Иначе ни хрена не врубишься...

3

Осенью 1982-го собрался он провести в Украине одного из своих братьев, Николая, – старшего за ним по годам. Тот уже лет пять жил в совхозе «Заря коммунизма» под Ворошиловградом, ныне опять Луганском. Это не за горами-за долами. Что до Воронежа от Никишино, что туда – один километраж: примерно две сотки. Для новенькой белоснежной тольяттинской «копейки» Валентина с мотором итальянской сборки это было не расстояние вовсе.

Но ни удочки не взял с собой тогда в поездку Валентин, ни ружье свое любимое, бельгийское, пятизарядное. Одним словом, явно не отдыхать ехал после бессменной маяты летней страды.

Валентин точно сбежал туда: вдруг пошли вразнос их ещё недавно родственные лады с Алексеем Тарасовым, председателем «Родины». Оба они Никишинские, женаты на сёстрах. Оба окончили один сельхозтехникум – Берёзовский, правда, с разницей в десять лет.

Валентин после «восьмилетки» не смог учиться дальше, хотя и обнаружил при хорошем поведении отличные знания по всем предметам. Судьба так определила, что ему и этих знаний достаточно, а есть для него дело поважней, – стать старшим в семье и поднимать на ноги четверых братьев да двух сестер. Отец, Семен Ильич, в свои двадцать два года вернулся с войны тяжелораненый, «раскуроченный», как он себя называл, имея в виду фронтовую потерю ноги и руки. Болел батя, не работал, но, правда, сделал «Богу и царю» семеро детей, прежде чем умереть, да оставил в наследство большой семье корявую избу под крышей из гнилой соломы и трофейный немецкий мотоцикл «Сахара». Мать, Мария Ивановна, одна не сладила бы с таким отрядом детишек на трудодни свекловичницы. Отец тогда уже не вставал. Порой просто нечего было есть. Так что свидетельство Валентина об окончании «восьмилетки» с ярко-красным гербом РСФСР и крохотными, какими-то детскими росписями директора да учителей мать со слезами бережно повесила в рамке под стеклом в горнице – на бревенчатой стене слева от иконостаса. На том учеба его и остановилась тогда...

Ещё в восьмом классе, в последней четверти, на излёте зимы, подался Валентин на механизаторский всеобуч: к ним в Никишино тогда приезжали преподаватели СПТУ из райцентра. Трактористов в колхозе «Родина» не хватало. К концу весны он сдал экзамен на механизатора, а летом его забрали в тракторный отряд прицепщиком. С первых дней пацан среди мужиков не потерялся: сказалась твёрдая отцовская трудовая закалка. Ибо первая заповедь Семёна Ильича была такой: «Крестьянин – от слова «крест». И нести нам его через всю жизнь. А с ним на спине не забалуешь!»

Первое время отец, пока и вторая нога у него не отгнила по пах, кое-как управлялся в страду на комбайне, – Валентин на подхвате всегда подле был. До сих пор свято чтит он эти свои полевые университеты. Когда и ныне, по какому-такому случаю придётся вдруг вспомнить Корнилову то время, так он тотчас судорожно вздохнет, руки на затылок замком резко кинет. Помощником на тогдашнем комбайне СК-4 не так-то просто было работать. Во-первых, надо раньше отца прийти, чтобы агрегат прошпринцевать вручную. Во-вторых, ещё и заправить ручным насосом двести литров солярки. А какво закачать такой объём пацану в тринадцать лет?! А все удобства комбайна – зонтик над головой от дождя и солнца да металлический ящик вместо сиденья, которым почти никогда не пользовались: управляли, стоя на мостике. По-капитански! Отец в работе всегда был очень строг. Отец – есть отец. Он и спросит, он и пожалеет.

К осени Валентину дали раздолбанный гусеничный ДТ-54 ещё послевоенной сборки, но – Сталинградский! Из тех краёв, где отца раскурочила фашистская мина. А тут ещё прочитал он очерк в газете «Правда» про знаменитого кубанского механизатора Героя Соцтруда Владимира Первицкого. «Притяжение земли». И по школьной привычке химическим карандашом, старательно слюнявя, выписал из него самые важные строки в особой важности тетрадку с ярко-синей клеёнчатой обложкой, украшенной гербом СССР – таким любимым, праздничным и добрым. Рядом с очень нравившимися стихами какого-то запрещённого поэта, фамилию которого никто тогда не знал:

Клён ты мой опавший, клён заледенелый,
Что стоишь, нагнувшись, под метелью белой?
Или что увидел? Или что услышал?
Словно за деревню погулять ты вышел...

А взволновавшие Валю в газете слова про героя-механизатора были такими: «Он не выбирал лёгкого пути в жизни, не искал удобную работу, а шёл смело туда, где было трудно. Так было и при освоении технологических методов возделывания кукурузы без затрат ручного труда. Мыслима ли была в те годы сама постановка этого вопроса, когда лучшая часть специалистов не вернулась с войны, а оставшиеся ценились на вес золота?! Этот дерзкий вызов природе у многих вызывал сомнение. У Первицкого сомнений не было, и он без раздумий погружает себя и своих друзей по звену с «ног и до ушей» в изнуряющую 14-16-часовую ежедневную работу. Результаты были настолько разительны, что первоначально не верящие стали верящими, а сомневающиеся – активными сторонниками и помощниками. На долю этого человека выпали и немалые испытания, и небывалая слава, и беспокойная старость. Не сидится кубанскому крестьянину на месте. Не отпускает земля на покой, зовёт своим теплом и дыханием, будит по утрам птичьим гомоном. Как без неё родимой жить, как не холить, не лелеять? – Невозможно представить. И вся та слава, все почести – от неё. Отблагодарила, матушка, сторицей за все труды и бессонные ночи, за солёный пот и мужское упорство».

Одним словом, вот тогда и включилась в Вальке на полную мощность родовая корниловская суть. И он, шестнадцатилетний пацан, с напарником тех же годков, ни мало, ни много записались в последователи Первицкого – решили выращивать кукурузу его новаторским методом!

А через пару лет повзрослевшие мальчишки первый раз увидели большой город – их привезли в Воронеж на слёт передовых механизаторов, наградили в музыкальном театре Почётными грамотами и гордым званием «Ударников коммунистического труда». Как-никак они вырастили по 50 с лишним рекордных центнеров с гектара хрущёвской «царицы полей».

Осенью 65-го Валю провожали в армию всем селом с почестями героя. Служил водителем в Москве. В особого назначения мотострелковой дивизии Дзержинского МВД СССР. Краснознамённой, элитной. А когда вернулся сержант Корнилов весной через три года, – так сразу отца похоронил. При нём Семён Ильич десять дней только пожил. И за это время ни слова не сказал сыну, – сил не было. Лишь растерянно улыбнулся в самый последний момент у него на руках.

Нехороший запах гангрены надолго остался в избе. По крайней мере, Валентин, пока её не снесли, всегда его чувствовал: чёрный, жирный и какой-то злобный.

В этом месте воспоминаний даже сейчас через полвека Валентин Семёнович как затыкается. Дома ли случится мыслями вернуться к той дембельской смертной весне, или на поле, за столом с друзьями, на охоте или на бережке своего Чудского озерца, золотистых увесистых сазанчиков ловко подёргивая одного за другим, – так тотчас и заглохнет голос у Валентина Семёновича. Резко отвернется Корнилов физиономией в сторону, чтобы не только слезу не показать, но и норовя таким рывком смахнуть её прочь. В прямом смысле слова – с глаз долой.

«Вот тогда, после смерти бати, и свалилась на мои плечи вся семья...», – стеснённо произносит он и как-то растерянно оглядывается, точно от внезапно нахлынувших острых чувств никак не сообразит, где он сейчас находится, в каком времени? В том, далёком, или, слава Богу, всё-таки в нынешнем?..

Четыре брата: каждый через год, начиная с 51-го, когда отец чуток оклемался от ран на какое-то время: Николай, Алексей, Юрка и младший, восьмилеток, Никита, в честь тогдашнего руководителя страны товарища Никиты Сергеевича Хрущёва, гордо объявившего, что это поколение советских людей будет жить при коммунизме! За работу, товарищи! За парнями следом прибыли в этот мир

сестрицы Анна и Нина. Кстати, Нину родители тоже хотели назвать, как и его, Валентиной. Но только в честь первой женщины-космонавта Терешковой. Валентин и Валентина. Радовались такому своему космическому решению как дети малые, но недолго. Он отца с матерью строго отговорил: так-таки взял верх авторитет старшего сына. Вон ведь его недавно в феврале шестьдесят первого, ожидая приезд в Воронеж на областное совещание самого Хрущёва, наверху собирались вместе с другими ударниками по кукурузной линии торжественно представить самому главе СССР! Потом, правда, обком в отношении Корнилова такое своё смелое намерение спустил на тормозах. Как вдруг не приглянется Первому секретарю ЦК КПСС название родного села Валентина, произошедшее от фамилии помещика Никишина?.. Да ещё оно рискованно, чуть ли не пародийно созвучно с именем Хрущёва: Никишин-Никита. Имелась в этом вопросе и другая сторона: хотя давно минули годы гражданской войны, но витала в российском воздухе память о Корнилове Лавре Георгиевиче, командующем Добровольческой белой армии. В общем, от греха подальше, заменили Валентина на кандидатуру Ивана Иванова, передовика-комсомольца из Берендеевки. Но и с ней вдруг оробели наверху. Во времена оные это село свой нынешний топоним заполучило от человека по имени Берендей, что означает «спорщик, тот, кто во всём перечит». Так что и Берендеевку признали непригодной для чуткого политического слуха Никиты Сергеевича. Дальше так вообще суетливо спотыкаться начали с выбором: как на грех здешние передовики все как один оказались из сел с чудными именами – Чулок, Бабенки или вон Закобьякино, Гниломедово и вовсе анекдотическое – Бухалово. Однако, в конце концов, обнаружилась-таки на карте района деревенька с самым что ни на есть уместным названием, в жилу, – Ударник! А так как настоящего ударника там тогда не имелось, тем более что по части кукурузы, пришлось срочно сформировать образ с помощью приписок. Никакой комедии в этом не было. Все произошедшее укладывалось в жизненные порядки того времени. Вон же Герман Титов, тогда лучше всех кандидатов готовый к первому полету в Космос, стал в итоге космонавтом номер два: Хрущеву показалось идеологически неправильным, что космическую эру откроет человек с каким-то очень не нашим именем.

Правда, эта встреча в Воронежском обкоме КПСС Никиты Сергеевича с лучшими молодыми кукурузоводами области, так и не состоялась: возмущённые ростом цен на сливочное масло и молоко, на торжественном митинге на центральной площади рабочие областного центра неожиданно встретили Хрущева не аплодисментами и пением «Интернационала», а сердитым лязгом ложек по пустым алюминиевым кастрюлям. Раздались голоса: «Хрущёв, давай мясо, молоко!» Такое поведение горожан очень расстроило Никиту Сергеевича. А тут ещё кое-где на местах не успели к высокому визиту скосить кукурузу и в горячности прицепили к трактору 25-метровый рельс, чтобы ускоренно повалить стойкие растения. Хрущёв так рассердился, что этот случай разрешили опубликовать в прессе. Вышел конфуз. Хорошо, что тогда ещё до танков и стрельбы не дошло в Воронеже. Как через год в соседнем Новочеркасске...

4

Как-то в середине лета вызвал демобилизованного Корнилова новый председатель колхоза «Родина» Алексей Кириллович Тарасов, ещё недавно первый секретарь райкома комсомола. Партия взяла его на заметку как перспективный номенклатурный кадр и приступила к обкатке в сферах власти. Руководить – не рукой водить. Тут и внешний вид многое значит. А в этом плане Алексей Кириллович был весьма природой предназначен для элитных должностей: роста сугубо статного, чуть ли не величественного, но при всем при том весь из себя резвый, и с глазом бдительно зорким, прирожденно начальственным оком.

– Пойдешь, Валя, ко мне личным водителем? – голосом будущего партийно-хозяйственного небожителя предложил Корнилову Алексей Кириллович.

– Пойду! – взволнованно вздохнул Валентин. – А ездить на чём будем?

– На «ГАЗике».

– «Шестьдесят седьмом»?

– На «козле» пусть парторг ездит. Мне из области вчера пригнали новенький «шестьдесят девятый».

– Армейский?!

– Точно, Валя.

– Так я уже видел его! Только подумал, что это какой-нибудь высокий начальник из области промчался по нашему Никишино. Машина – ух! Привод полный? Четыре на четыре?

– А то! И зарплатой не обижу. Знаю, ты теперь старший мужик в семье. Первый кормилец. Тянешь на себе целую ораву мал мала меньше. Не обижу.

Валентин благодарно вздохнул. Слово «зарплата» тогда на селе было ещё непривычным, точно из области иной, недостижимо счастливой жизни. Вместо трудодней и палочек под натуральный расчёт, она была введена у них только два года назад, но до сих пор ещё не шуршала в руках ни у кого из Никишинцев. Так что разжиться «живыми» деньгами можно было разве что на щепном базаре в Воронеже. Но для этого приходилось преодолевать немало всяких разных тормозящих обстоятельств, что не каждому оказывалось посылно: что везти, на чём, как отпроситься и насколько отпустят? А вот где ночевать, так это решалось просто: или у сбежавших в Воронеж земляков, или в Доме колхозника на Никитинской улице возле базара, а то и вовсе не отходя от торгового места в целях пушей безопасности и дешевизны – на своих же мешках под фуфайкой.

– А если паспорт мне для чего потребуется, выдадите? – вдруг смело, даже отчаянно сказал Валентин, так как этот документ на руки колхозникам просто так не отдавали из строго назначенного ему места хранения – сейф председателя.

– Договоримся. Только работай хорошо. Как и служил!

Валентин хватко взял под козырёк. Пружинистая ладонь чуть ли не присвистнула в воздухе. В армии тренируют красивую отмашку. Он ещё в порыве чувств пожал руку молодому председателю.

– Корниловы обратного хода ни в чем не знают... Если пошли вперёд – не остановишь. Назад пятиться дороги нам нет. Вон батя под Прохоровкой, когда снаряды у них закончились, с голыми руками пошёл на фашистский «Тигр»...

«Я зубами собрался рвать его броню...», – вспоминал, бывало, белея лицом, Семён Ильич.

Быть личным водителем председателя колхоза – это особое дело со всеми вытекающими разными обстоятельствами. Валентин в них вписался. Армейская закалка помогла. Как-никак служил он в полку оперативного назначения. Окончил курсы сержантского состава. А держать язык за зубами их с первых салабонных дней отцы-командиры научили. Взводный, прапорщик Криворучко, человек внушительной телесной пространственности и роста, ни с кем в дивизии не сопоставимого своей высоченностью, так тот, даже смеясь, умудрялся бдительно хмуриться. Так вот он по несколько раз на день, точно молебен служа, вдалбливал в зябкие мозги новобранцев: «Наша дивизия, сынки, решает специфические задачи. Не дай Бог повторится Новочеркасск или того хлеще, так нам там быть придётся в первую очередь. И в народ стрелять. В свой, родной. А как иначе? Приказ – святое. А охранять здания ЦК КПСС? Совет министров СССР? Тоже мы! А что про нас в народе некоторые бестолковые люди нелепо гуторят? Одна фантастичность на грани вражеской пропаганды! Будто личный состав дивизии подбирается только из выпускников детских домов, как есть там самые отчаянные сорвиголовы, или что бойцам, то есть вам, салабоны, дают секретные медицинские препараты, лишшающие страха. Ещё враки: мол, подсыпают в обеденный компот специальный порошок на бrome, чтобы вы на девчонок не заглядывались! Я бы подобных болтунов одной берёзовой кашей кормил!»

Одним словом, молодой председатель Тарасов с таким водителем мог, при необходимости, позволить себе «надратся в хлам» и быть сокрыто доставленным и переданным на попечение разъярённой супруге Виктории; мог без страха и упрёка навещать «полюбовниц» как в Никишино, так и в райцентре, а позже в самом Воронеже, где обрёл себе особой стати пассию из балетных солисток музыкального театра – Ангелину Юрьеву.

В общем, Валентин, прошедший хорошую школу спецопераций в знаменитой дивизии, во всём толково прикрывал «хозяина» и порой мужественно брал огонь на себя. Так было, скажем, и в тот раз, когда Тарасов решил, остыв через месяц их пылкой любви с Ангелиной, послать ей по завещенной им куртуазной манере прощальный букет. Само собой, к его разнеможным, словно плачущим капельками влаги густо-жёлтым розам как всегда прилагалось для дамской души нечто более существенное: или модные югославские сапоги из недавно открывшегося воронежского магазина «Морава», или спецталон на приобретение импортной мебели в городе атомщиков Нововоронеже, имевшем режим снабжения повышенной категории, а в тот раз – особая ювелирная изысканность: золотые часики ручной филигранной работы, чешские.

– Погоди, миленький... Твоему начальнику я приготовила ответ! – весело сказала Валентину Ангелина.

С достоинством, неспешно отнеся в дом подарки, она через минуту вернулась, по пути машинально подраспахнув на своей достойной груди черный китайский шёлковый халатик с пучеглазыми драконами, коварно льнущими к ней во всех допустимых и не очень допустимых местах.

– Передай привет моему малышу! – просияла она кинематографической американской улыбкой, видимо коварно имея в виду не самого двухметрового Тарасова, а нечто его частичное, что, тем не менее, тревожно смущало своими аккуратными размерами молодого председателя.

После этих слов Ангелина с восхитительной усмешкой медленно вылила на голову Валентина флакон изысканных французских духов. Кажется, это были знаменитые Climat с романтическим ароматом розмарина, мускуса и бергамота. Для зрелых, уверенных в себе женщин. От легендарного парфюмера эпохи 60-х Жерара Гоупи.

Парфюмерную экзекуцию Корнилов выдержал, не шевельнувшись, едва ли не держа по-армейски руки по швам.

В любом случае, цель Ангелиной была поражена, как говорится, с первого пуска. А от слова «малыш», с эдаким вывертом переданного Валентином, Тарасов зарычал чужим голосом, и первый раз в жизни потребовал валидол. Получилось, правда, так, что тот был употреблён не в качестве лекарства, а словно бы типа специфической закуски с мятным привкусом, – перед таблеткой Алексей Кириллович вогнал в себя подряд два гранёных стакана знаменитого болгарского пятизвёздочного коньяка «Плиска».

Дома, когда Валентин вернулся уже после посещения колхозной бани (сугубо в индивидуальном порядке), тем не менее, у всех братьев глаза на лоб полезли от благородного аромата, разящего от него; сестренки, как видно имея уже в себе задатки женской солидарной понятливости, так те от хохота чуть ли не по полу катались, предполагая особенности пережитой старшим братом адюльтерной ситуации.

Однако Валентин и не то мог стерпеть от жизнелюбивого начальника, только бы ни днём, ни ночью не расставаться со своим любимым «бобиком». Ибо всё и всем мог простить Валентин Корнилов за возможность атакующе пробиться на своем «шестьдесят девятом» через вязкую топь, напрямик прорваться через сочное после дождя, хваткое чернозёмное поле или зимой, сокращая дорогу, на полной скорости взорвать стену рослых сугробов – тучные, заматерелые, они от такого таранного удара чуть ли не на мелкие снежинки разлетались, празднично, по-новогоднему, пыхая игольчатой белесой пылью.

Победив в очередной раз бездорожье, выберется Валентин из машины «неспехом», вразвалочку обойдет её вокруг, колесо бережно пнёт; чутко положит ладонь на капот, а то заранее припасённой чистой тряпицей фары протрёт, если они сейчас с «бобиком» грязь брали на абордаж. А вдруг как тряпица уже замызгана, так платка носового не пожалеет, сестрицами старательно выстиранного и протуженного.

Однажды через свою машину Корнилов едва не устроил настоящие «кулачки» с главным инженером Мишкой Селивановым на майском полевом стане. Тот без всякой задней мысли принародно, при обществе рассеявшихся пообедать на апрельской младенческой травке механизаторов, назвал «бобик» Валентина «козлом». В такой путанице, вообще-то, никакой язвительности не имелось. Тем более, оскорбления. Когда-то предтечу «бобика» ГАЗ-67-й в народе, не сговариваясь, окрестили «козлом». За его тряскую езду с резвым подскоком на каждом выступе проселочной дороги. Позже конструкторы такое изматывающее обстоятельство учли в новой модели, и пятиместный ГАЗ-69А возымел шадящий, почти мягкий ход в дополнение ко всем иным полезным новшествам типа двигателя от легендарной «Победы», обогрева салона, электрических дворников, кожаных кресел и металлических дверей. А кличка «бобик», трогательно связывающая автомобиль с верным другом человека, прилепилась за сходство зауженного капота этого «газона» с добродушным собачьим носом. Однако оставались люди, которые по привычке, абсолютно добродушно, продолжали оба эти автомобиля марки «ГАЗ» по-прежнему называть «козлами» и «козликами».

Итак, в обеденный час Корнилов на крутом вираже лихо остановил свой новейший командирский ГАЗ-69А перед полевым станом. Борщечку похлебать» с «мяской». Да и для голодных ртов, ждущих его дома у окна, наполнить трехлитровую банку этим славным варевом. Никто из баб в Никишино

не мог так отменно сладить ни борщ, ни щи как колхозная повариха Ленка, будущая жена его брата Николая.

Дорожная тёплая пыль вёртким столбом подхватила из-под вездеходных шин «бобика» и мягко накрыла всех присутствующих едоков и их быстро пустеющие борщевые алюминиевые миски.

Торопливая аппетитная дробь ложек по металлу мгновенно оборвалась. Главный инженер, бесполезно попытавшийся отмахнуться от беспросветной волны жирной черноземной пудры, в сердцах сказал, покосившись на миски с заметно помутневшим вишнево-янтарным ужористым борщом:

– Как не вовремя наскочил этот наш председательский «козёл»!

– «Бобик», Мишка! – пока ещё снисходительно, но твердо объявил Валентин.

Поняв этот диалог про козла и бобика по-своему, механизаторы с хохотом, переходящим в судороги и залихватистый визг полегли на душистой апрельской мураве.

Корнилов и Селиванов напряженно, бойцовски стали друг против друга.

Высоко над полями тонким звоном переливчато состязались взахлёб азартные жаворонки.

Ленка с удовольствием взяла обоих «начальников» под руки и повела под навес к отдельному столу. Там их в стороне от общего ряда борщовых мисок ласково, многообещающе ждала тонкогорлая бутылка «Столичной».

– Любаша, из схрона для председателя расщедрилась?

Она тихо, колдовски вздохнула:

– Для хороших людей я на всё готовая...

– Мне, того, пить никак нельзя, – уныло смутился Валентин. – За рулём.

– А за «бобика»? – примирительно улыбнулся Селиванов. – Как там наш Юрка Гагарин сказал: «Поехали?!»

5

Как-то на склоне лета Валентин в очередной раз подждал «хозяина» у райкома партии возле белоснежного гипсового Ильича. Тот, словно уличный гаишник-регулирующий на историческом перекрестке, указывал всем проезд и проход в светлое коммунистическое будущее с золотыми уни-тазами.

В это время в кабину его «газона» с подскока ловко вписался однорукий Кравченко, Сергей Васильевич, секретарь парткома «Родины»: ещё не старый дядька лет сорока. Свежевыбрит до блеска с розоватым оттенком, «шибает» от него только что принятыми на грудь классическими ста граммами водки, но, более того, – одеколоном дерзко зелёного цвета с шипящим приклатнённым названием «Шипр», которым его голову только что с помощью груши щедро «полили» в районной парикмахерской. Кстати, мало кто тогда знал, что в СССР одеколон марки «Шипр», который выпускался фабрикой «Новая заря», был копией марки известной французской серии *Chypre Coty* образца 1917 года! Ко всему он по причине наличия в нём высшего класса этилового спирта, вдохновенно употреблялся продвинутыми алкоголиками.

В общем, подсел Сергей Васильевич возле Корнилова и молчит, положив на колени свою единственную, выдающую виды, мужицкую руку, левую, а другую ему в сорок шестом голодном на поле, когда он с дружкой Коляном на свой страх и риск по сумеркам колоски собирал пшеничные, – немецкая мина-лягушка с корнем вырвала.

Было так: проглядели они бригадира, – тот враз налетел из-за предлинной высоченной скирды на коняге-доходяге (откуда только в ней резвость взялась!) и погнал пацанов с поля плетью. Стегал наотмашь. Судом грозил! За расхищение колхозного имущества. Пока они у дороги на фашистский заряд не нарвались. Со взрывателем нажимного действия. Чтобы тогда выжить, Серёге потребовалась особая Божья благодать. А как ещё можно защитить пацана от 365 стальных шариков шрапнели? Вот только зачем? Что такого особого Серёга принёс в эту жизнь? До сих пор сей вопрос он себе горько задаёт. Вон же Коляну судьба определила враз отчекрыжить голову...

– Учиться бы тебе надо дальше... – душевно глянул в глаза председательского шофёра Сергей Васильевич, хмыкнул и начал обшлёпывать себя в поисках пачки «Беломора».

Наконец нашёл, зарядил рот папиросиной, но курить не стал. Так и продержал в руках зажжённую спичку, медленно её проворачивая, чтобы вся ровно обгорела в аккуратном, ласковом пламени.

– Как тебе с Тарасовым?.. – спросил Кравченко, давая понять своей товарищеской интонацией,

что он ждет от Валентина не исповедь или донос на начальство, а как бы сделал зачин для толкового разговора за жизнь.

– Бывает хуже, – усмехнулся Валентин. – Если прямо: буду жалеть, если заберут моего Кириллыча наверх. А вместо него придёт какой-нибудь хмырь.

– Вроде меня? – прищурился Кравченко.

– Ну, что вы, Сергей Васильевич, – уважительно, умно вздохнул Корнилов.

– Ладно, парень, я о другом хотел с тобой потолковать, – сосредоточенно прищурился партсекретарь. – Боюсь вот чего... Голова у тебя ещё свежая, не спился, не успел. А в колхозе одна забава – самогон да драка. Вот и всё наше сельское развлечение. Но ты в этом ещё не увяз по полной. Только боюсь; достаточно скоро и ты сойдешь с рельсов.

– Где наша не пропадала, – себе на уме хмыкнул Валентин.

– Одним словом, учиться тебе надо! Скажем, в Березовском сельскохозяйственном техникуме. Очень приличное учебное заведение. Агрономом станешь или ветеринаром!

Валентин машинально оглядел свои руки, словно оценивал, на что они годны.

– И попрёшь на всех парах вперёд и выше! – объявил Кравченко. – В партию вступишь. Далее институт осилишь.

– Семья на мне, Сергей Васильевич! – строго отозвался Валентин. – Шестеро спиногрызов. Мал мала меньше. Я им за отца.

– Так мать же ещё жива, слава Богу...

– Куда ей одной?!

– Ты раньше деньги часто видел? – искоса поглядел на него Кравченко.

– Иногда, в кино...

– А теперь у тебя самого в руках имеется утвержденная государством законная ежемесячная заработная плата! – с партийной гордостью пафосно проговорил Сергей Васильевич. – Шестьдесят рублей?

– Шестьдесят три!.. – улыбнулся Валентин.

– Вот! Вот и будешь семье деньгами помогать! Я добьюсь, колхоз их тебе оставит на время учебы. Плюс в техникуме стипендию положат. И весьма неплохую. Это точно! Сорок пять целковых. Если выбьешься в отличники.

– Если надо, выбьюсь, Сергей Васильевич! – построжел Корнилов.

– Молодцом! Вот так, значит, товарищ Валя. Коммунистическая партия идёт навстречу чаяниям трудового крестьянского класса. Потому что она сама – плоть от плоти народной.

Валентин деловито улыбнулся, словно вдруг заглянул на миг в свою новую большую светлую жизнь.

– Алексей Кириллович не опустит, – вдруг сказал он тихо, почти обречённо.

– Этот вопрос я беру на себя. Партии нужны достойные молодые кадры. Не дрейфь... Дай пять! Улыбка «шесть на девять»! – он впел своей единственной ладонью в подставленную встречно ладонь Валентина с такой хлёткостью, что и особая армейская подготовка не помогла тому удержаться: Корнилов отлетел на спинку кресла.

– Сила силу ломит, – мальчишески засмеялся Сергей Васильевич. – В общем, прямо сегодня к вечеру выбери момент и подступи к Кириллычу: отпускаяй, мол, меня на вольные хлеба учиться, и всё тут. Без дураков. Хотя погоди. Давай лучше ты завтра возьмешь его на бордаж. А я с ним сегодня сам неназойливо проведу подготовительную беседу. С точки зрения партийного видения жизни. И помни, Валька, мы рождены, чтоб сказку сделать былью. А построение в нашей стране светлого коммунистического завтра ещё никто не отменил. И не посмеет!

Прищурился бедово:

– Хотя и скинули заразу Хруща, но мы все, как один, под знаменем марксизма-ленинизма продолжаем бодро шагать стройными плотными рядами навстречу заре коммунизма... И всё шагаем, шагаем... Уже подмётки стерлись...

Ночь не спал Валентин: на крыльце с матерью просидели рядком, молча. Да что там: они оба ни разу не пошевелились. Лишь под утро, когда вызрела вокруг такая ядрёная роса, что хоть пей её с листа, Мария Ивановна сходила в дом за старым шерстяным одеялом. Валентину показалось, что оно пахнет его детством. Это был унылый запах бедности.

Предрасветное небо закупирила сплошная мрачная туча: такая чёрная, что это даже нельзя было назвать цветом. Точно раззявилась гигантская безбрежная дыра в никуда. И в ней понизу медленно нагушался сине-розовый свет подходившего, подпиравшего из глубины Солнца. Но осилит ли оно грузную тучу?

– Ехай, сынок. Сдюжим, – вдруг решёно сказала матушка, шепотком.

В тот же день Алексей Кириллович безо всякого подмахнул заявление своего водителя и широким жестом протянул ему заранее приготовленный заветный паспорт.

– С этой минуты ты, Валентин Семёнович, полноценный гражданин СССР! Без бумажки – я букашка, а с бумажкой – человек. Не помнишь, чьи это слова? Кажется, Маяковский? Есенин вряд ли...

– Не помню, Алексей Кириллович, – мучительно-виновато проговорил Корнилов с такой вдруг внезапной отчуждённостью, словно его уже здесь не было.

Вперёд, заре навстречу...

Или он угадал, как говорится, нужный момент, или сказалось веское слово секретаря парторганизации, а, возможно, сыграло роль купание в изысканном парфюме, устроенное ему балетессой Ангелиной? Вполне возможно, что после этого более чем ароматного события председатель смекнул, что Корнилов отныне знает о сугубо личной жизни шефа сверхдостаточно, и нет смысла далее погружать его в густые дебри тайн своего либидо.

– Через три года жду тебя назад! – прощаясь, напомнил председатель. – И не забывай, что мне нужны сейчас в первую очередь знающие ветеринары. Животноводство в стране на глазах разваливается...

– Есть! Разрешите идти?! – с армейским азартом подал Корнилов внезапно прорезавшийся у него голос старшего сержанта, заместителя командира взвода особого оперативного назначения Краснознаменной дивизии имени Феликса Эдмундовича Дзержинского.

Даже чуть было не рванул задорным щегольским взмахом правую руку к виску отдать честь, но уже на полпути прервал этот азартный жест, вдруг вспомнив строгий уставной принцип, что к пустой голове ладонь не прикладывают.

При этом весело, влёт подумал: «А она у меня не такая и пустая, ёлы-палы!!!»

Выйдя в коридор, он вдруг пустился впрыска, ловко топоча каблуками по гуляющим доскам, и яростно нахлестывая руками голенища щегольски сияющих, надраенных гуталином, офицерских парадно-выходных хромовых сапог.

В коридоре правления с утра было полно народу, явившегося за разнарядкой: не сговариваясь, все принялись подбадривать Валентина аплодисментами, как говорится, не жалея ладоней. А соседская Люся, его одноклассница, секретарь правления и младшая сестра жены Тарасова Виктории, вдруг выскочила перед ним наперёд и закружилась, брызгая озорной дробью каблучков.

6

Вот на этой плясунье Люсе и женился через три года в семьдесят третьем Валентин Корнилов, окончив на отлично ветфак Берёзовского сельскохозтехникума. Правда, там, ещё до первой сессии, он было запал на однокурсницу из Козловки, – соседнего с их Никишино большого села, когда-то волостного центра. Да что-то не заладилось. Или за усердной учёбой упустили они свои чувства? Правда, мать Валентина такому их охлаждению только рада оказалась. Тех, кто жил в Никишино, козловцы называли «москалями», а Никишинцы козловцев – «хохлами». Так вот Мария Ивановна ещё девчонкой туда к ним в среднюю школу ходила, а тамошние мальчишки за то, что она не умела и не хотела на их языке балакать, косы её в разные стороны натянут и заставляют повторять за ними: «Та чога тоби треба? А шо ты собэраеся робить? Иды корову выгонэ. Он пастух батогом уже хлыще». И вообще если кто из Никишино женился на девушке из Козловки, то такую семью у них называли «перевертнями», и такие семьи были исключением.

Кстати, за все время учебы в Берёзовском техникуме у Корнилова по всем предметам ни одной «четвёрки» не было: настырно, дерзко учился, лучше всех – с отрывом! Из библиотеки не вылезал. Ни разу в кино не ходил. Преподаватели на него нарадоваться не могли, а он, со своей стороны, восхищённо заглядывал им в рот, ловя каждое зёрнышко новых знаний. Ему так нравилось учиться, что когда их возили в Воронеж укреплять знания по экономике и ветеринарии в тамошнем СХИ, он

в свободное время по собственной инициативе посещал вовсе не обязательные для него лекции по сельхозмашинам и механизмам, а также экономике, философии и истории. Особенно бередила его душу эпоха Древнего Рима. Так что латынь у Валентина оказалась в самых любимых предметах: *in via est in medicina via sine lingua Latina* – в медицине невозможен путь без латинского языка. Вскоре в СХИ Корнилов сошёлся чуть ли не на дружеских категориях с именитым доктором ветеринарных наук, профессором и членком Георгием Ивановичем Ждановым. Этот благообразный старичок с клинышком седой бородки очень восхотел, чтобы Корнилов продолжил учёбу в их вузе и со временем стал у него аспирантом. Не раз говорил: «Из тебя, парень, большой учёный может получиться. Я уже заметил: ты у нас на учхозе к какой корове не прикоснёшься, все хвори у неё отступают, а надои растут. Одним словом, оживает животинка и расцветает!» В ответ Валентин строго молчал. Про себя только, бывало, вздохнет: «Отец – крестьянин, а я – крестьянский сын... Какой из меня профессор?» Слава Богу, что его шестеро пацанов да девок голода не знали и обносков не носили. Учился он по решению общего собрания колхоза «Родина» с сохранением зарплаты. Итак, это 73 целковых. Для сельских условий со своим огородом вполне неплохая сумма, если учесть, что городской инженер тогда в общей массовости 100 рубликов получал, редко более. Итак, 73 водительские, да к ним 45 – стипендия отличника: итого немалые по тем временам 128 чистыми, – так как с Валентина, как учащегося, никакие налоги не взимались. Нормально, в общем, выходило. Жить можно. Вполне. Так ведь ещё и подрабатывал Валентин: в гараже техникума стояли четыре грузовика и на них никто практически не ездил, – шофера здесь быстро увольнялись, потому что зарплата небольшая. Так вот выбрал Валентин себе грузовик любимой марки, с круглой крышей кабины, – ГАЗ-51, и на нём с негласного разрешения директора привозил преподавателям и прочим сотрудникам за сходную плату уголь, дрова или сено. Ещё когда вскоре стал он внештатным инспектором ГАИ, так ему и вовсе разные всякие пути-дороги нараспашку открылись в полной доступности дополнительного приработка.

Так что в Никишино семья Корниловых ни дня не голодала. И матушка Валентина ни разу не плакала над безотцовщиной – одним словом, злым языкам не к чему было придраться.

«Всё у нас, как у людей! – приезжая на каникулы домой, и от порога придиричиво оглядевшись в избе, каждый раз гордо объявлял Валентин. – Хотя надо бы нам уже и телевизор купить. Хорошая марка – «Рекорд». Наш, воронежский. Такой в техникуме только у директора в кабинете стоит. Изображение – класс!»

Через три года приехал Валентин в колхоз «Родина» молодым специалистом с «красным» дипломом: с виду точно областной проверяющий прибыл с проверкой. Костюм кофейный югославский, английский «дипломат» с секретными золотистыми замочками и модные, с чёрно-белыми острыми носками туфли. Шёл от автобусной остановки под руку с Люсей, уже законной женой. Шагом степенным, деловым, каким только и идут в светлое будущее. Всем бабам запомнилось тогдашнее Люсино американское длинное платье с чёрным бархатным лифом. Чуть ли не всё село сбежалось на эту молодую пару посмотреть: так хороша была она, будто это здесь и сейчас какое-то интересное кино снимали про образцовую советскую семью. Того и гляди, что из правления выйдет с букетом для молодых сам знаменитый Михаил Ульянов или Николай Рыбников.

Одним словом, встретили Валентина торжественно: зоотехников вечно не хватало. Разве что цветами его не забросали и на руках по селу не несли. А вот шампанским молодых по распоряжению Тарасова поливали. Правда, это произошло уже на следующей неделе, на свадьбе.

Накануне Мария Ивановна робко предложила Вале и Люсеньке венчаться, но молодые её как не услышали. Попробовала настоять – отмахнулись. Когда стала на колени с этой просьбой – расхохотались. Такое веселье устроилось враз, что Ниночка – самая младшенькая – уписалась. Однако это всех ещё больше позабавило.

– Религия, мамочка, – с ласковой внушительностью заговорил Валентин, – нужна несчастным, забитым людям. Кому бедность душу выела. Ибо религия – есть опиум для народа. Мы же, советское общество – передовая, великая формация счастливых граждан. Космос – наш, атом – наш. Мир во всем мире СССР отстоит, ни перед какой капиталистической гнидой не дрогнет. А ты – венчаться... Прости, мама... Да и замок на твоей церкви висит ржавый. Потом же входить в неё страшно. Когда её построили? При царе Горохе три века назад? Вся покосилась. Того и гляди купол на головы прихожанам сядет. Я видел, что поп ваш, как ему туда входить, так крестится у ворот раз за разом. И все ваши богомольные старухи точно так же. От страха!

– Это, миленький, так полагается, – вздохнула Мария Ивановна. – А церковка у нас славная, во имя Михаила Архангела, тёплая, с живым колоколом. Уважьте старуху, бестолочи. И отец ваш порадуетя там... Я вчера его во сне видела. Такой молоденький! И почему-то в ярком таком белом костюме, какого у него отродясь не было... И все руки-ноги на месте. Перекрестил меня...

И поплёлся Валентин с просьбой о венчании «до председателя». Хотя ответ его заранее знал и ни на что иное не рассчитывал. Кстати, к его приходу Тарасов по недавно заведённой номенклатурной манере уже заправился регулярными двумястами граммами пятизвёздочного «Арарата» цвета позднего увядающего заката и, морщась, досасывал лимонную дольку, мысленно поругивая последнего царя-самодержца за эту введенную им манерность. Лично его более устроил бы крепкий бородавчатый солёный огурчик, пропитавшийся ароматами смородинового листа, маринованного чеснока, укропа и, само собой, яростного хрена.

Войдя, Корнилов машинально сконцентрировался на знатном коньяке.

– Примешь на грудь, жених?... – глубокомысленно вздохнул председатель.

– Попозже. Я к тебе, Кириллыч, за советом.

Выслушав, тот сказал сдержанно, несколько осторожно:

– Хрущ к великому дню построения коммунизма в 1980-м обещался торжественно показать народу последнего в СССР попа. Его самого, почитай десять лет как скинули заговорщики. Только борьбу с религией партия не отменила. Вон, в Воронеже хотят в главном культовом храме, Покровском, устроить музей атеизма. Думай, Валя, думай. Тебе жизнь свою строить-рядить.

– Внял, Кириллыч! Всё нормально. Жду на торжество! Обязательно с женой, с родителями, с детьми, – решительно, деловито отпечатал Корнилов.

– Типа свадебного генерала?

– Обижает, начальник. Бери выше – самого маршала. Ко всему мы теперь с тобой какая-никакая, а родня!

Гуляли три дня, во дворе на свежем воздухе; когда настраивался дождь, натягивали брезент и санные кожанки. Не приглашённые никишинцы, навалившись на изгородь вокруг двора Корниловых, внимательно обозревали свадьбу и обсуждали самые заметные личности. Им время от времени подносили выпить и закусить. Пели гости и зрители все вместе, но врзлёт. Заглавный тост председателя обе стороны встретили хлёткими аплодисментами:

– В знаменательное время связали свои судьбы наши дорогие Валентин и Люся. Семимильными шагами созидаётся развитой социализм! Американские империалисты с позором изгнаны из братского Вьетнама. Наш «Луноход» первым в мире прокладывает пути-дороги по полям космической соседки! Первую пахоту там начал! И на Марсе будут яблони цвести... А вчера наш горячо любимый Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Леонид Ильич Брежнев на встрече с американским президентом торжественно заявил, что холодная война между нашими странами закончена победой мирных чаяний и надежд! Русского счастья молодым! По-нашему говоря, мир вам да любовь! И детишек куча!

Валентин при этих словах умно, сдержанно вздохнул.

– Когда космические лучи бороздят бесконечные просторы галактической Вселенной!.. – следом начал свой тост Валентинов тесть Федор Илларионович Лымарь, главный экономист колхоза, но так-таки не договорил. Эти слова ему очень нравились сами по себе. Было в них что-то по-особенному величественное, масштабное. А что говорить дальше, он не знал. Федор Илларионович видел мир в цифрах.

– Танцуют все! – чтобы выручить запнувшегося мужа зычно, точно в рупор, объявила его голосистая супруга Ираида Валерьевна, заведующая клубом – полнолицая бывшая красавица с большими чувственно дерзкими глазами. После танца с молодым зятем она так впечатляюще поцеловала Валентина, что все вокруг закричали что-то типа «Ну, деревня! Ну, дает!» На что Ираида Валерьевна негромко, но внятно ответила: «Ещё не дала...» И по-цыгански, на всякий случай, упреждающе вмазала ласковый подзатыльник Федору Илларионовичу. Как лекарство от возможной ревности.

Через день Тарасов завёл новоиспеченного свояка к себе в кабинет, заговорил степенно, снисходительно:

– Свезло тебе, парень! Я принял решение не мурыжить тебя и назначить сразу главным зоотехником, – он начальнически улыбнулся, но как-то одними губами, а вот глаза его в этой веселости

почему-то не участвовали. Как бы тем самым давая понять Валентину, что их прежних отношений преданного водителя и снисходительного шефа отныне близко не будет; всё, что между ними когда-то установилось, быльём поросло, а новое неизвестно как сложится и каким боком Валентину выйдет в итоге.

Корнилов сходу, деловито усвоил новый тон.

– Давайте, Алексей Кириллович, сразу объяснимся. Главный зоотехник – это не подарок. Это, как Вы хорошо знаете, очень сложная и тяжёлая работа. Известная каторга... Из руководящего состава – самая тягостная обуза. Каждый день в три часа вставать и в полночь ложиться. А работать с бабами: злыми, вечно недовольными, потому что жизнь у них такая...

– Выбора у тебя нет, – строго вздохнул председатель.

– Дайте хоть малость оглядеться, обжиться. Ещё свадьба в ушах гудит...

– Ладно. Через неделю приступай. И всё. Баста. Меня за животноводство каждый день в райкоме к стенке ставят. А Корниловы, я знаю, не отступают и не сдаются. На тебя вся надёга. Если припрёт – поможем. Что мы, не люди?

Корнилов первый раз посмотрел на председателя как равный на равного.

Он даже несколько смутился такой внезапно объявившейся в нём зрелости: вот что значит лёг ему на плечи груз серьёзной ответственности за людей, за дело. Машинально отметил: он, оказывается, до сих пор своего шефа толком и не знал. Всё в этом плане между ними только начинается: кто есть кто.

– Тебе анекдот рассказать, как колхозники будущему председателю помогали? – оглянулся в дверях Валентин Семенович.

– Его каждая бабка знает, – зевнул Алексей Кириллович. – Ладно, ступай, бери быка за рога. Дивидэ эт импэра! Что в переводе с золотой латыни означает...

Тарасов чуть ли не Цезарем величественно посмотрел на свояка.

– Разделяй и властвуй, – усмехнулся Корнилов, настоящий дока в латыни. – Умно, но подло.

Неделю Корнилов дома не высидел. Уже на третий день в начале четвертого ночи завёл отцовский мотоцикл с коляской и покатил на ферму, судорожно рыская по разбитой колее. Когда в очередной раз влетал в лужу, получал в «физию» ощутимые густые липкие плевки. Но завязнуть на таком девятискоростном бугае, способном по бездорожью волочить противотанковую пушку, было невозможно: машина агрессивно, нахраписто «пёрла» без пробуксовки через любую хлябь. Трофейная техника, вермахтовская. Лет через пять после войны мужики случайно нашли её в здешних болотах. Назывался немецкий мотоцикл странно – «Сахара». В топь его забросила мина, заложенная партизанами на лесной тропе. Раздолбанный механизм никто не смог восстановить, хотя с азартом брались многие. Дураков среди них не было. Сам тогдашний главный инженер Голощекоев месяц ходил вокруг мотоцикла кругами, но в итоге смущённо отступил. А Семен Ильич, «обрубок», справился. Машина через месяц рванула у него по просёлку, как наскипидаренная. Или с переляку. Одним словом, зверь настоящий в ней объявился. Перемогая болячки, Корнилов-старший умудрялся на нём иногда ездить, помогая костылём переключать скорости.

У тучной, словно налитой, деревенской темноты был за околицей свой, особый мрачный запах – свежесрытой чернозёмной ямы. Сегодня ни зернышка звёздного, ни лунного серпика, – мгла кромешная, непоколебимая. Хотя в ней, если присмотреться, то там, то этам ощущалось некое потаённое движение: ещё более тёмными пятнами в ночи обнаруживали себя как в ступоре бредущие на утреннюю дойку бабы. С головой закутанные, чем придётся, от волглого едкого холода. Словно оглохшие, хронически не выспавшиеся, они как не слышали дикий рык мотора «Сахары» во все его резвые, бойцовские тридцать лошадиных сил; и некоторые из этих ночных чёрных привидений едва не попали тогда под колеса трофейного мотоцикла нового главного зоотехника, – пьяно, тупо шарахались в сторону. Но ни одна не взвизгнула: мочи не было. И с шагу не сбивались, поспешая: на ферме животину надо вовремя накормить, почистить, напоить, если заболела – лечить без промедления. А за спиной, дома, неуёмная детвора, требовательный хорохористый муж, хорошо ещё, если не вдрызг пьяный.

Для Валентина Семёновича не было секретом: на ферму тогда многие шли, как в ссылку. Редко кто хотел взяться сам по собственному желанию доить коров да ещё вручную, не менее двадцати голов, – три раза в день. В жуткой грязи и неприспособленных помещениях. Ферма как отстойник

кадров считалась. В основном здесь оказывались те, кого с хорошего места турнули за злостную пьянку или хуже того, воровство колхозного добра. Редко попадали на ферму нормальные люди: разве только от крайней нужды или рассорившись вдрызг с начальством, – вот они и становились тут передовыми доярками, скотниками, короче говоря, ударниками социалистического и коммунистического труда.

Со слезой оглядел Валентин Семёнович в тусклом свете фермы своих первых в его жизни подчиненных. Бабы в основном. Щурились они на него кто равнодушно, кто с ехидством, но некоторые с интересной женской мыслишкой насчет того самого, но никто не глядел с надеждой или, чего уж там, радостью...

Напрягся сурово молодой главный зоотехник: «Что они сейчас, горемыки, думают обо мне?.. И думают ли вообще?.. Кажется, им не до этого»...

– Здравствуйте, товарищи! – тихо, как-то смущенно проговорил Валентин Семенович. – Доброе утро, бабы!

И вдруг ляпнул:

– Мужикам особо – физкульт-привет...

Никто не отозвался: сидят в полумраке на корточках да кирпичках не шелохнувшись, – доярки – замотанные, на кикимор похожие, а скотники – так те, чертяки, явно со тяжелого похмела, как пришибленные.

«Как же у нас похабно относятся к людям! – отчаянно подумал Корнилов. – Ни в грош никого не ставят. Превратили людей в скотину. А ещё какой-то там, на фиг, развитой социализм строим...»

Пошли стадо смотреть. Проходя впотьмах мимо линии коров, Валентин Семёнович неловко поскользнулся: взмахнул руками и плюхнулся на сочную, ещё теплую лепёшку. Никто не отреагировал. Здешние коровы утонули по уши в дерьме.

Как бы там ни было, животные в итоге ему понравились: «симменталы» и красно-пёстрые плюс племенные. То, что надо. Самые оптимальные породы для молочного направления. А что вид у них такой загаженный, так это дело поправимое.

Обошли дойных коров, посмотрели молодняк. Тут Валентин Семёнович ненадолго задержался, полюбоваться как их, месячных, доярки нежно отпаивают молоком. Старательно это делали бабы: замученные, заезженные, а всё-таки уважение к скотине не потеряли...

«Талант не пропьешь!» – печально улыбнулся он. Зачем-то спросил и без того ему известное:

– Дойка трехразовая?

– Конечно, Валентин Семёнович! – смутилась бригадирша. – Как у всех: первая – в пять утра, потом в полдень и шестичасовая вечерняя.

– На работу сами добираются?

– Вы же, наверное, видели по дороге... По буеракам. Как в атаку на врага при штурме Перекопа!

– Видел!.. – судорожно отозвался Корнилов, вдруг вновь почувствовав запоздалый стыд от того, как он между бредущих во тьме баб резво, настырно пробивался через бездорожье навстречу своей новой жизни на не знающем износу вермахтовском мотоцикле, на бессмертной «Сахаре».

В общем, за первые два года перевёл он все фермы на механизированное доение; реконструировали навозоудаление. Когда Корнилов пришёл на должность главного зоотехника, в колхозе «Родина» числилось 1200 голов; через 5 лет стало 3000 дойного стада. Когда принимал это хозяйство, 50 отёлов выходило на 100 коров, из них половина погибала. Такие были условия содержания. Вернее, их не было вовсе. И эту практику Корнилов изжил.

А когда всё более-менее отладили, Корнилов свалился. Перенапряжение, самый настоящий нервный срыв. В конце олимпийского лета одна тысяча девятьсот восьмидесятого.

До того Валентин Семёнович без выходных и отпусков крушил-брушил на своих фермах. Чисто трактор. Первым шёл во всяком деле. С наскоку. Как в рукопашной атаке молотил налево-направо. Только на жену времени не хватало; дальше одного ребёнка у них по семейной части не пошло. Сторонних баб вовсе не замечал, хотя некоторые вокруг ходили далеко не украдкой, и порой весьма призывно заглядывали в глаза во всей откровенной простоте своих бесхитростных возжеланий: по причине усиленного самогоноупотребления никитинским мужикам было не до того самого.

В общем, в областную больницу Валентина Семёновича привезли третьего августа. Диагноз написали обширный, на целый лист: астенический невроз, гипертонический криз, тахикардия, а ещё отсутствие аппетита на фоне злостной диареи.

Принимал Корнилова молодой, очень толстый весёлый врач. Он, как Юлий Цезарь, одновременно делал три дела: заполнял документы,пил подаренный кубинский ром «Гавана Клуб» (в связи с Олимпиадой в свободной продаже ненадолго появился и такой дефицит) и вдохновенно отвечал на телефонные звонки: его приятели наперебой взволнованно звонили ему по поводу НЛЮ, будто бы только что приземлившегося в парке «Южный» на Левом берегу Воронежа.

– Может, это Олимпийский Мишка сюда долетел?.. – тоненько, мальчишески всхохатывал доктор по ходу разговора. Точнее, трёпа.

«Какая глупость... Какие, к лешему, инопланетяне?! – дерзко думал Корнилов. – Кому мы можем во Вселенной быть интересны? С нашими бесконечными войнами, с нашей неистребимой борьбой за власть? Эх, дорогой Леонид Ильич! Целовальщик ты наш знатный! А только ведомо тебе, что люди, скрежеща зубами, ездят в Москву под большие праздники за более-менее нормальной колбасой и апельсинами?..»

– Слушай, я сегодня купил в «Утюжке» самое настоящее «Malboro»! – продолжал перекрикиваться с очередным телефонным собеседником дежурный врач. – А ещё мне пообещали кроссовки «Адидас»! Кстати, ты слышал такой новый московский прикол? «Тот, кто носит «Адидас», завтра Родину продаст»?!

– Вас бы ко мне на ферму вместе с Вашими инопланетянами и «адидасами» хвосты коровам крутить, – судорожно вздохнул Корнилов, тревожно глядя в потолок, словно смотреть вокруг уже совсем мочи не было.

Ему вдруг отчетливо послышалась грустная песня, которую Лев Лещенко пел на закрытии Олимпиады. Про Мишку, как тот, выронив медвежью слезу, печально вознёсся над Лужниками на разноцветных воздушных шарах. Словно нашу страну навсегда покинула последняя надежда на светлое будущее. Ибо произошло всё это именно в год обещанного завершения строительства коммунизма – 1980-й. Только вместо светлого будущего народу подсунули Олимпиаду...

На трибунах становится тише,
Таёт быстрое время чудес,
До свиданья, наш ласковый Миша,
Возвращайся в свой сказочный лес...
Олимпийская сказка, прощай.

– А почему так говорят: коровам хвосты крутить? – вдруг озорно сощурился дежурный доктор в сторону Валентина Семеновича, который напряженно сидел, стиснув голову руками так жестко, словно хотел её раздавить за ненадобностью более в этой жизни.

– Вам, юноша, надо бы прежде лет пять в навозе проплавать, ежели желаете в такое толком вникнуть, – скрипнул зубами Корнилов. – Вот, скажем, надо корове укол сделать или кровь взять на анализ. И при этом нежелательно, чтобы она лягнула вас. Поэтому следует крепко взять её за хвост у основания и скрутить его. Корове станет больно, и она уже не будет бросаться в стороны и лягаться. В общем, послушно зайдет в стойло или станок, и вы можете там делать ей всё, что процедурно необходимо...

Он застонал и прижался лбом к холодному стеклу на столе, под которым лежали какие-то порнографические фотки, – их в последнее время некие мутные личности наладились продавать в электричках. Первые ласточки демократизации и свободы личности...

– Вам плохо?.. – смутился доктор.

– Прекрасное далёко... не будь ко мне жестоко, – вдруг тихо проговорил Корнилов. – Кажется, песня такая есть? Вот и допелись мы её, мать-перемать!

– Понял, понял... Ничего! Мы Вас подлечим, – ласково заверил толстяк. – И хвост Вам крутить не станем. Вы будете комфортно смотреть в палате по цветному телевизору замечательный фильм «Эскадрон гусар летучих» и набираться вместе со всем советским народом олимпийского здоровья!

– Чушь! В этом году мы должны были построить коммунизм! – побагровел Валентин Семёнович. – А нам вместо него клоунаду второсортную подсунули.

Кажется, молодой доктор ничего не знал о былых утопических порывах КПСС, и отреагировал на них по-своему:

– Не волнуйтесь. Это у Вас пройдет. Ваш нервный срыв сейчас в той фазе, которая провоцирует сильную раздражительность. Причем, буквально по любому поводу. И без повода. Всё вызывает у Вас злость. У некоторых в это время появляются мысли о самоубийстве...

– Не дождётесь! – тупо проговорил Корнилов. – И вообще хватит ля-ля, ведите меня в палату как можно скорей. Желательно – одиночную.

– Именно такая Вас и ждет! – любезно засмеялся доктор. – А знаете, кому Вы этим обязаны? Сегодня вашим здоровьем интересовался у нашего главврача сам членкор Академии наук СССР заслуженный профессор Георгий Иванович Жданов!

Корнилов не ожидал от себя такой реакции: он вдруг внезапно заплакал. Именно с этой минуты ему стало день ото дня легчать.

Тем не менее, выписали его из невралгии только через месяц, но, по предписанию врачей, он ещё почти столько же отлежал дома в комнате с занавешенным окном. И у этого полумрака словно был свой запах: темнота почему-то пахла незаживавшими ранами отца. Успокаивающие таблетки помогали плохо. Так что вся жизнь на Земле казалась Корнилову чьей-то досадной ошибкой, а то и издевательством. Люся заходила к мужу только на цыпочках, а крикливого маленького Эдика на время отдали в круглосуточный садик, в райцентре.

Первый раз Валентин Семёнович вышел на улицу лишь в конце октября. Дойти до правления. Осеннее Солнце дерзко высверкивало отовсюду. Даже с накатанной грунтовки блескуче сияло. В общем, куда не повернешь голову, так оно тотчас на тебя болезненно пыхнет.

Когда Корнилов шёл по коридору правления и когда поднимался на второй этаж к председателю, все смотрели на него как на какого-то незнакомого человека, неизвестно откуда тут взявшегося. У него от всего этого вновь судорожно подступил к горлу сухой острый ком.

Когда с ним здоровались, в ответ Валентин Семёнович только строго кивал: сил не было голос подать.

– Привет королю коров! – зычно встретил его Тарасов. – Оклемался?

– Типа того, – сдавленно вздохнул Корнилов и напрягся. – Я тут тебе, понимаешь, заявление принёс. Не откажи, Кириллыч. Хочу уйти из главных зоотехников.

– Не ду-ри-и-и! – бычьи взревел Тарасов так, что на ближайших фермах коровы, наверное, испуганно оскользнулись.

Валентин Семенович покаянно опустил голову.

– Прошу не от хорошей жизни, – Корнилов устало закрыл глаза. – Силов нет этот воз далее тянуть. Такое впечатление, что там, наверху, зреет большое предательство. Наше животноводство стало никому не нужно. Черт знает что творится в стране. Вот хоть это возьми: мы из кожи лезем, выращиваем мясо, а у нас ни в Никишино, ни в райцентре на прилавках его нет.

– Опасный ты товарищ. Как самый настоящий диссидент заговорил. Ладно, решим вопрос родственному, – великодушно проговорил Тарасов и, не читая заявление, поставил резолюцию: назначить такого-сякого заведующим механизированными мастерскими.

– Согласен? – спросил только для блезира, ибо прекрасно знал: там будет спокойней, совсем иной колер, кто же откажется? Не синекура, но график работы ровный, авралов каждый день точно не будет.

– Вот спасибо, – слабо улыбнулся Валентин Семёнович.

Тем не менее, с переходом свояка на новую работу Тарасов так и не смирился. Через день то в шутку, то всерьёз уговаривал Валентина вернуться к родным коровкам.

А как-то однажды на этой почве произошла между ними возле правления и вовсе самая настоящая трагикомедия. В общем, приступил Алексей Кириллович к свояку в очередной раз:

– Не заотдыхался на новом месте? Доярки говорят: коровы по тебе плачут жгучими слезищами. Доятся с тоски, что те же козы.

– Дай своих ребят-девчат на ноги подниму, – поморщился Валентин Семёнович.

– Что же ты меня за нос водишь, своячёк! – взорвался Тарасов. – Тебе осталось Нинку лишь за-

муж отдать. Все остальные пристроены, как лучше не придумаешь. И твой Эдька повзрослел, во второй класс ходит.

– Вроде того...

– Так чего ты тянешь с возвращением?! – вскричал председатель.

– Ин идем флумен бис нон десцендимус, – тупо откашлялся Корнилов.

– Умник хренов! – вскрикнул Алексей Кириллович. – Мы тоже не лыком шиты! Так что Геракли-том не прикрывайся! Не темни! Не идёшь, потому что течёт в тебе злобная кулацкая кровушка! Вот откуда твоя ненависть ко всему советскому!

И тут, вдруг, этот приступ... Захрипев, Алексей Кириллович судорожно рухнул. Какая-то баба ехала мимо на велосипеде, брэнча пустым ведром, увидела случайно, как председатель мертвецки раскинулся поперек дороги, заорала в голос и сама тотчас сковырнула в канаву.

Через час Тарасова на тряском «кукурузнике» Ан-2 доставили в областную больницу. Вначале там диагностировали инсульт, потом инфаркт, но в итоге остановились на «нервном срыве», как и у Корнилова: точно соревновались мужики друг перед другом.

В райкоме партии бдительно напряглись: на носу «битва за урожай», а одно из лучших хозяйств обезглавлено. Спешно перебрав перспективные кандидатуры, там пришли к мнению, что лучше Корнилова на колхоз «Родина» им человека сейчас не найти.

«На безрыбье и рак соловей...», – узнав о таком решении первого секретаря, ревниво усмехнулся Тарасов.

Как крыша с грохотом села на голову Корнилову, неожиданно-негаданно вдруг ставшему врио председателя. Люся ждала, что повторится его нервный срыв, но он наперекор всему как не знал устали. Хотя отныне практически не спал. Зато успевал везде. Движок председательского «бобика», за руль которого он азартно сел по старой доброй памяти, заклинило через неделю. И теперь вновь выручил отцовский трофейный мотоцикл «Сахара». Корнилов мотался на нём повсюду с такой неистовой оперативностью, что были случаи, когда его одновременно видели будто бы сразу в трёх местах. Скажем, в райцентре, в областном Воронеже и самой Москве, на ступеньках Министерства сельского хозяйства СССР. Что его туда могло занести – неизвестно, но в итоге урожай пшеницы взяли никишинцы невиданный для всей области. За все двадцать последних лет. Не хуже обстояло у них с гречихой и просом. С «королевой полей» в колхозе «Родина» вообще вышел особый случай. Наперекор дождям и засухе получили 25 тонн с гектара. Как на лучших полях капиталистической Европы.

Прослышав о таких победных урожаях свояка, Тарасов тотчас расстался с больницей и властно принял бразды правления хозяйством в свои руки. «Спасибо» Корнилову сказать в суете забыл. А когда Алексей Кириллович узнал, что в области готовят бумаги в Москву для награждения Валентина Семёновича орденом Трудового Красного Знамени, тотчас вызвал свояка.

– Всё хотел спросить: как тебе удалось так вырваться вперед? Мои прогнозы были значительно скромней. А я редко ошибаюсь...

– Кто его знает, – Корнилов присел на стул, бессильно опустил руки. – Как там древние римляне говорили? Карпе дием?

И тогда Тарасов, болезненно помолчав минуту-другую, вдруг прямо, твёрдо, то есть без всяких там обиняков, объявил, что теперь им вместе никак не работать. Валентин своим трудовым подвигом враз затмил все его прежние успехи. Теперь с Тарасова будут ежегодно требовать ещё больших результатов, ногами на него топать и грозиться отобрать партбилет, но откуда он возьмет им эти невиданные доселе нынешние центнеры? В отличие от свояка таким загадочным везением он не помечен свыше.

– Будет правильно, если ты куда-нибудь уедешь. Исчезнешь с глаз долой. Хотя бы на пару лет. Страна у нас огромная... Пожалей больного человека. Мы как-никак родственники.

– Да. Я понимаю, – покивал Валентин Семёнович. – Я вам многим обязан.

– Прости..., – чуть было не всхлипнул Тарасов.

А через несколько дней Валентин Семёнович поехал к брату Николаю под Ворошиловград в со-вхоз «Заря коммунизма». Будто бы проведать, отдохнуть. Готовился тщательно. Как-никак другая сторона. Так что багажник своей «копейки» итальянской сборки Корнилов щедро зарядил разными свойскими произведениями Люсиного приготовления: особого засола огурцы в банках с родниковой

водой, пересыпанные горчицей, помидоры в яблочном соку, варенье малиновое и вишнёвое, – медово густое, которое ложкой так просто и не взять; но заглавным во всём этом аппетитном разномастном великолепии стали вяленый свиной сальтисон сургучного цвета (через печёночную насыщенность) и тёщины котлеты, налитые брызгучим соком, пупырчатые и словно бы загорелые до тёмного румянца – с мужицкую ладонь каждая. Такие прежде «битками» назывались.

То была осень 1982-го, сентябрь. Но припекало в Ворошиловградской области чуть ли не под тридцать пять градусов. Тут так часто случается: степной климат. Чем-то напоминало тогда ещё наш Казахстан или Астрахань.

И вот через три часа езды вот она перед ним, главная улица славного украинского Ворошиловграда, – Советская. И такое при этом ощущение, что Корнилов въехал в родной Воронеж. Столько всего похожего между этими городами... Вот, пожалуйста, их Дворец строителей – точная копия воронежского ДК имени Кирова, фонтан в центре – один в один как в Кольцовском сквере; вход в их парк имени 1 Мая неотличим от каменной арки воронежского Детского сада. А Ворошиловградская гостиница «Советская» – сестрица-близняшка гостиницы «Воронеж» на проспекте Революции у Кольцовского сквера.

Сходства Воронежа и Ворошиловграда закончились, когда Валентин Семёнович зашёл в продуктовый магазин купить бутылку водки – на всякий який случай. Самогон Корнилов, конечно же, вёз. Свойский. Самый что ни на есть искусно справленный, мудрёный, ибо превосходил по части разгульных градусов и хитроумных трав-приправ любую самую дерзкую фантазию. Абы что в него не пичкали: корица там, шафран, ваниль или тмин отвергались однозначно как ненашенские забавы, не родня по крови доброму деревенскому русскому «первачу», очищенному пшеничным хлебушком и молоком. А вот обязательно, непременно, иначе вся затея насмарку, собаке под хвост, – пахучий лист смородины, чабрец, именно на Троицу собранный, и немного полевой мяты. Но подкрашивать самогон пусть и чаем, карамелью или диким сушёным барбарисом – чистое вредительство, полное непонимание восторга от его слёзной мерцательной чистоты, восторженно сияющей в стройном гранёном ребристом стакане с мерным «Марусиным пояском».

В магазине никого не было. Валентин Семёнович поначалу решил, что нарвался на перерыв или санитарный час. А иначе где привычные многочасовые очереди за «докторской» колбасой или синыхными жилистыми курами? Что в Воронеже, что в Москве... Везде одна суета по этой части.

– Мне бутылку «Столичной», – наконец, увидев продавца, невнятно сказал Корнилов. – Если можно, экспортную. Где на этикетке по-английски что-то написано...

Продавщица не пошевелилась.

Корнилов хотел повторить, но тут увидел, что заказанный товар уже выжидательно стоит перед ним. Так сказать, по мановению самой что ни на есть волшебной палочки.

Валентин Семёнович смущённо вздохнул и машинально покосился на мягко подсвеченный изнутри прозрачный саркофаг прилавка. Тотчас всякое ощущение сходства здешних мест с Воронежем опрокинулось вверх тормашками. Он почувствовал себя разве что в столичном Елисеевском магазине-дворце на улице Горького. Правда, не было тамошних знаменитых белоснежных колонн, крутых завитков золотистой лепнины на стенах, ртутного холодного блеска высоких строгих зеркал и огромной яркой люстры, хозяйски раскинувшейся под высоким потолком. Но здесь, как и там, было всё, или почти всё из области невиданных деликатесов. Одним словом, после родного райцентра (Никишино вообще не в счет), даже после областного Воронежа здешний прилавок крепко осадил Валентина Семёновича: раскидистые развалы колбас разных отменных сортов точно издевались над ним торжественным обилием выбора и своими густыми сочными ароматами! Тут тебе и простецкая «эстонская», и рабоче-крестьянская с жирком блестящим сочно пахучая «любительская», диетическая «докторская» и, бери выше, – «Краковская», «Одесская», потом же полукопченая «Московская» – вся из себя эдакая изящная, пупырчатая, блестящая да кроваво-чёрная на срезе, и как бы аж со слезой. Окрока разномастные, вальяжные – тот же Тамбовский, Воронежский, какового в самом Воронеже днем с огнем не сыскать! Ветчина, корейка, грудинка красуются нежно... Весёлых пухлых сарделек и изящных сосисок – явная безбрежность: густыми объемными снисками глянцево свисают по стенам, розовеют аппетитно... Есть и мясная нарезка, куры достойные, жирком отороченные, пухленькие, утки смугло-золотистые, чуток дымком тронутые, и вон, вон там гусь цельный неподъёмный лежит во всём своём нагулянном мясистом достоинстве. Масло сливочное

нескольких сортов: «Вологодское», «Крестьянское», «Шоколадное», «Несолёное» и медового отлива «Топлёное». Но когда Валентин увидел в стеклянных чашах ещё и сияющую, улыбочиво-игривую икру красную осетровую, так у него во рту эдак судорожно пересохло. А для полного детского счастья – навалом горы сказочно пахнущих конфет в ярких хрустких обёртках, диковинные рогатые фрукты – бананы, кажется.

Бери-не хочу всего, сколько возжелается, а не так как у них в Воронеже – 1 кг в руки и «гуляй, Вася»...

Не сдержался Валентин Семёнович: по лбу своему активно постучал. Чтобы проснуться?.. Как бы там ни было, но он сейчас чувствовал себя дурак дураком. У них в райцентре в магазинах водки тоже навалом, правда, не отборной, а самой ходовой, «Московской» белоголовки, а в остальном – пусто. Конфеты чуток есть, но никудышные: «Школьные» да «Соевые», а консервы – «Килька» в слащавом томатном соусе и сыр колбасный, крошащийся под ножом, ибо чёрт знает из чего и как составлен.

Он взволнованно принял заказанную им водку «Stolichnaya» с четырьмя золотыми медалями, старательно обёрнутую в лощёную белесую бумагу.

– Я, это, тут у вас... Как в другой мир попал, – ошеломленно признался Валентин Семёнович.

Продавец не поняла и почему-то решила, что «дядька» спрашивает, где тут находится магазин «Детский мир». Она стала объяснять. Корнилов бестолково кивал.

Вышел, и вдруг вернулся, чуть не упав на пороге: спохватился насчёт бутылки «Советского шампанского» для Ленки – Николаевой жены.

– Вам белое или красное? – красиво улыбнулась продавец.

– Самое лучшее, – тупо проговорил Валентин Семёнович.

Он заполучил полусладкое мускатное «Советское шампанское» с горлышком, запаянным холодной серебристой фольгой, словно замороженным. Обошлось в четыре рубля шестьдесят восемь копеек.

И вот тут-то он вдруг возрадованно увидел рядом невесть откуда взявшуюся очередь!

Валентин Семёнович даже вздохнул с облегчением, сдержанно-дерзко усмехнулся.

Только здешние люди стояли в очереди смиренней смиренного; никто ни на их ладошках, ни на вырванном тетрадном листе лихорадочную запись номеров не учинял с командной решительностью; продавцы не кричали брезгливо, чтобы больше не занимали, потому что товар якобы кончается.

– Зачем стоим? – чуть ли не шепотком проникновенно задал Валентин Семёнович традиционный, жизненно важный вопрос, всегда волнующий рядового советского гражданина, какую бы очередь он не увидел.

– За колбасной нарезкой, – скучно ответил ему аккуратная бабушка, первой стоявшая. Скучно так стоявшая. Без горячности, какую вызывает у нормального человека уже один вид дефицита, когда тот по какому-либо невероятному поводу «выбросят»... на прилавок.

Корнилов тупо смутился: тогда почему она медлит и ту нарезку не берет, которая перед её глазами нахально лежит под застеклённым сияющим колпаком прилавка, явно очень острым ножичком тончайше распластанная, целлофанчиком хрустким элегантно обёрнутая? Почему равнодушно смотрит куда-то в сторону?!

Старушка сердечно усмехнулась.

– Эта нарезка подзаветрилась. С утра тут, чай, лежит. Сейчас мне свеженькую принесут! Уже режут дивки.

Корнилов едва не отшатнулся. В голове так судорогой и пробило, ахнуло: «Они тут что, оборзели?.. Оборзели совсем!!!»

Так что к брату он ехал с самыми что ни на есть раскорёженными чувствами и несколько раз останавливался, чтобы пройтись, встряхнуться. Фу ты, ну ты!

Николай работал трактористом в совхозе «Заря коммунизма». Это пригород Ворошиловграда; до посёлка восемь километров по очень приличному асфальту, какого Валентин Семёнович в своих никишинских краях вовек не видывал. По такому можно ехать, поставив на крышу «жигулёнка» стакан с водой под самый «Марусин поясок» – ни капли не потеряешь.

По пути не мог не заметить Валентин Семёнович своим наметанным крестьянским взглядом, что почва здесь совсем иная. Вышел заинтересованно, пригляделся строго. В отличие от наших словно

бы живых, матёрых чернозёмов, эта земля оказалась подозрительно светлая, местами так и во все белая. Какую не во всех местах лопатой возьмёшь. Мергель это залёг: глинистый известняк с песком. Разве что виноград можно на нём растить, да и то с упорством, с особым доглядом. Бедная земля, никакая.

С Николаем, как свиделись они, так и схватились азартно обниматься, друг друга охлопывать, раскачивать и подкидывать, – чуть ли не полчаса вот так хватко братались. После этой торжественной процедуры Валентин Семёнович с азартной задышкой признался, что привёз Николаю всякой разной снеди своей деревенской, душевно исполненной, чтобы угостить, удивить, порадовать, а тут у них такое в магазинах царское раздолье всякого невиданного дефицитного харча, что и сама столица может кое в чем позавидовать ворошиловоградскому продуктовому обустройству.

– Но особенно люди мне ваши понравились! – бодро объявил Корнилов-старший. – Продавщицы против воронежских вежливые такие, заботливые лапочки и, скажу, без «бэ», терпеливые. Наша с пол-оборота на тебя орать заведётся по поводу и без повода. Она изначально смотрит на тебя с противностью. Ибо нормальный человек такую дрянь, какую она продаёт, вовек покупать не станет. Поэтому ты в её глазах гроша ломаного не стоишь. Или вот в Москву, когда приедешь за той же колбаской или мандаринами под Новый год, так коренные москвичи на тебя со всех сторон шипят: «Голодранцы! Деревня хамская! Прикатили наши магазины курочить, сволочи!» А сами из себя жутко интеллигентные... Вылитые профессора и академики. Вроде нашего Георгия Ивановича Жданова. Но он-то – человек, человечисе!

– Вот и оставайся у нас жить! Семью перевози! Всё будет рядышком, брат! – расчувствовался Николай, всегда в глубине души носивший тоскливое ощущение вины перед Валентином, что тот свои молодые годы потратил на них, на целую орду безбашенных спиногрызов.

И когда устроили Корнилова-старшего с дороги отдыхать, он какое-то время ещё слышал, что на кухне Николай и его Ленка всерьёз, запальчиво обсуждают, как им наладиться, чтобы рядышком тут быть обеим семьям, вполне по-родственному.

– Брат у меня что надо! Он нас всех братьев и сестриц в люди вывел! – порывисто втолковывал жене Николай, подливая себе рюмку за рюмкой. Моментами было слышно, как он аппетитно ломает на зубах сочный родной никитинский огурчик. – Мы ему по гроб жизни обязаны... Кормил, поил, одевал! Такой добрый, щедрый. Всё – для нас. А работающий! Со всяким делом влёт управится. Потому что способный, жуть! И высшее образование имеет. Почти высшее... Плюс – непьющий. Эх, ему бы в Политбюро, рядом с Брежневым! Чтобы тому на смену! А то позор один от этого шамкающего целовальщика...

Николай густо всхлипнул...

Проснулся Валентин Семёнович, как всегда, в пять утра, по-деревенски. Собрался с мыслями, вслушался в себя. Там внутри было ясное, здоровое желание начинать ему тут новую, иную жизнь.

На братовой кухне его ждала блестящая яичница с хрустящими сочными шкварками и чай с бодрящим душистым ароматом, индийский, из пачки со слонем, а к нему – баранки украинские со знаменитым вологодским сливочным маслом, которого в Воронеже давно не видели.

Когда искали директора совхоза Петренко, им подсказали идти к пруду.

– Как я сам не догадался? – похмельно поморщился Николай. – Это у Тараса Николаевича с утра самое любимое место. Знаешь, как он этот пруд в шутку называет? «Лох-Несское» озеро! Кстати, а чем оно, настоящее, так известно? Будто бы в нем инопланетяне живут?

– Потом, – строго вздохнул Корнилов-старший.

Петренко сидел у воды в тени старой, столетней ивы с красно-бурыми глянцевыми ветвями, и поникшая великанская грива её пушистых листьев мерцала серебристо-седой изнанкой при всяком порыве ветра. На таком почти что фантастическом фоне и сам Петренко тоже казался эдаким сказочным духом-покровителем удалого запорожского воинства. Ибо являл собой пусть и человека роста не особенно высокого, но в крутых плечах разворотистого, со вздутой широкой грудью, одним выдохом которой явно можно было средней силы костёр враз осадить, – и с большими, раскидистыми «козацкими вусами»; левый сиял белее моржового клыка, правый – густо-смоляно блистал с антрацитовым отливом. Так было у них из рода в род по мужской линии. За что имели вековое прозвище «Белоусы». Правда, непонятно почему игнорировавшее наличие усища чёрного цвета. Но народу лучше знать.

Петренко только выхватил из пруда резвого, верткого золотисто-красного карасика граммов на двести, и тот метался перед ним, судорожно норовя сорваться.

– А я до вас, Тарас Николаевич. Брата привёл. Хочет к нам устроиться, – несколько смущённо проговорил Николай, глядя то на полное, свежее, азартное лицо Петренко, то на лихорадочно плещущегося перед ним яркого, чудно ошалевшего карася. Они будто некую игру затеяли: директор и рыбёшка.

Петренко пальцем указал Николаю отойти подальше. Высоко, как-то недоуменно поднял подбородок, словно рассматривал новоявленного неведомого мужика ноздрями, плотно забитыми зарослями блестящих седых волос. Могло показаться, что он бельма на него навел.

– Выпьешь? – сказал, наконец, скользнув беглой улыбкой.

– Вообще-то я не на работе, – усмехнулся Валентин Семёнович. – Но всё равно не охота. Без дельного повода. Так что проехали тему?

– И откуда ты такой взялся? – крикнул Петренко, всё ещё пытаясь сцапать прыгучего карасика.

– Из Никишино. Колхоз «Родина».

– Слышал. Хорошее хозяйство. Кажется, Тарасов у вас вождит? А чего ты до нас? У вас там всемирный потоп?

– Особые обстоятельства...

– Он там был главный зоотехник! – взволнованно, гордо крикнул Николай, всё ещё стоя поодаль и чуть ли не на цыпочках. – А этим летом временно исполнял обязанности председателя! Да ещё как! Рекордный урожай взял!

Петренко всё же, наконец, ухватил рыбу, мгновение цепко подержал в руке, чувствуя её судорожное, раздражённое напряжение.

Забавно глянул ей в выпученные раскоряченные глазки.

– Премудрый карась... Жить хочешь? – усмехнулся он и ловким взмахом руки скинул его в пруд.

Рыбка вёртко, штопором ушла на глубину.

– И спасибо не сказал, плескун! – засмеялся директор. – Значит, зоотехник, говоришь ... Главный?!

Он отёр руки о густо нависавшие ветки ивы и подал Валентину Семёновичу свою достойную мужицкую пятерню:

– А мне нужен зоотехник отделения... Ой, как нужен! Ты и представить себе не можешь! Пойдешь?

– Пойду.

– Про зарплату, что не спрашиваешь? – усмехнулся Петренко.

– Жду, когда скажите.

– Сто восемьдесят. И не рублем больше.

«У нас на такой должности больше 110-120 не дадут...», – мельком отметил Корнилов, но вида не подал.

– Жить будешь у брата?

– Желательно самому. Угол у кого снять подскажете?

– Угол?... – Петренко агаманом глянул на Валентина Семёновича. – У меня для нужных специалистов и дом найдётся. Или квартира, если твоя жинка пожелает. Новая. Многокомнатная. Хоромы, одним словом, царские! В общем, если честно, рад я тебе парень... Нутром чую, что такой гарный хлопец мне зараз и был нужен. И кто только мне тебя послал? Господь Бог? Или его Величество Случай? А может карасик, которого я сейчас отпустил в пруд?

Два дня положил Валентин Семенович себе на сборы в Украину. Чтобы мать не сразу ощутила его отсутствие, выправил, наладил всё, что на глаза попадалось: в огороде, саду, не обошёл стороной закут и хлев. Ещё и вырыл свежую яму под картошку в зиму, потому что как Воронежское водохранилище залили десять лет назад, так с тех пор даже у них в Никишино в погребе весной вода стала по колено подниматься.

На ферму проститься с народом не пошел – знал, там непременно слабину покажет. Даже если для твёрдости духа рвануть пару стаканов самогона. Понятное дело, себя провожать он тоже всем запретил. Кстати, Тарасов в эти дни, так случилось, отсутствовал: был вызван в область на совещание по вопросам реализации продовольственной программы.

Когда под вечер Корниловы уже были готовы ехать, их задержало стадо домашних бурёнок, занявшее всю дорогу на целых полчаса. Именно в это время, перед заходом солнца, они возвращались с выпаса. Сумеречные высеребренные лучи над Никишино растопырились по горизонту. Копыта глухо ступают. Кто никогда не держал скотину, так и те выходили за ворота поглядеть на такую внушительную церемонию.

Под девяносто коров (восемьдесят семь, если желать точности) в четыре ряда, перекрыв дорогу, цугом величественно вступили в село. Шли плотно, устало, с чувством исполненного долга. Никакая не дёрнется, не взмычит попусту. Вымя у каждой, натружено, увесисто свисает между ног. Переполненное, туго налитое, грациозно, тяжело колеблется. От стада пахнет молоком, травами и кизьяками. А ещё, как поравняется с тобой какая буренка, от неё чувствуется живое тепло. Особое такое, чуть ли не материнское...

Валентин Семёнович глядел на эти устало колыхающиеся ряды, строго поджав губы, со слезой: того и гляди руку к своей кепке приложит, то есть честь отдаст коровкам старший сержант запаса.

Одним словом, он как прощальный парад принимал у Никишинских бурёнок.

(Окончание в следующем номере)

